

Б. Н. Флоря

Исл РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. ritlen@mail.ru

РОССИЯ И ЗАПОРОЖЬЕ В КОНЦЕ 60-х – НАЧАЛЕ 70-х гг. XVII в.

В статье показано, какими трудностями сопровождался предпринимавшийся в конце 60-х – начале 70-х гг. XVII в. попытки возобновления связи между Москвой и Запорожьем для совместной борьбы с османами. Контактным препятствовало враждебное Запорожью левобережное гетманство, а русских политиков беспокоили соглашения запорожцев с Крымом и Речью Посполитой и их планы поставлять гетманов для Правобережья на Запорожье.

Ключевые слова: Россия, Запорожье, казачество, старшина, «чернецкая» рада, Османская империя, Крым, Речь Посполитая

Отношения Русского государства с Запорожьем во второй половине XVII в. были непростыми. Запорожье было местом, где находили убежище и организацию люди, выступавшие против того социального порядка, который стал устанавливаться на украинских землях после восстания Б. Хмельницкого, и в этом качестве вызывало, конечно, тревогу и настороженность в московских правящих кругах. Но были и другие аспекты взаимоотношений. Запорожье было немалой военной силой, и сотрудничество с ней было полезно в борьбе с набегами татар и османской экспансией. Чтобы обеспечить такое сотрудничество, на Запорожье периодически посылались царское «жалованье». Кроме того, Запорожье могло быть союзником Москвы в борьбе с теми украинскими гетманами, которые искали соглашения с Речью Посполитой.

Когда на Украине в начале 1668 г. началось восстание И. М. Брюховецкого, в Москве находились приехавшие за «жалованьем» послы Запорожской Сечи. Через них русская сторона призвала Сечь к сотрудничеству, предлагала «воров отступников... приводить к послушанию». В Сечь предполагалось послать 2 тысячи рублей и «немецкие» сукна [Флоря, с. 325]. Запорожцы, однако, встали на сторону И. М. Брюховецкого и его союзника – правобережного гетмана Петра Дорошенко, и связи России с Запорожьем оказались разорваны.

К осени 1668 г. ситуация изменилась. Между Петром Дорошенко и Запорожьем обозначился резкий конфликт, и Запорожье стало движущей силой восстаний населения Правобережья против своего гетмана. Перемены, однако, не привели к восстановлению связей. Запорожцы стремились добиться своих целей в союзе с Крымским ханством, а цели эти состояли в объединении при их участии украинских земель, «как было при старом Хмельницком»¹. Положение обсуждалось в конце мая 1669 г. с приехавшим в Москву ближайшим сподвижником левобережного гетмана Д. Многогрешного генеральным есаулом М. Гвинтовкой.

Положение было тревожным. Избранный запорожцами гетман Петр Сухоев вместе с крымскими татарами не только занял значительные территории на Правобережье, но и предлагал левобережным полковникам принять участие в раде, которая соберется на Правобережье для выборов нового гетмана². В этих условиях Демьян Многогрешный попытался повлиять на внешнюю политическую ориентацию Запорожья. Еще до отправки посланцев в Москву 10 мая он обратился с письмом к Петру Сухоеву³. Он убеждал Сухоева и запорожцев порвать с Крымом и перейти под власть царя, который жителей Левобережья наделил «вольностями всякими», а у хана «ни одна душа вольна не будет». М. Гвинтовка повез из Москвы в Сечь царскую грамоту, в которой Алексей Михайлович предлагал запорожцам

¹ См. об этом в «распросных речах» бывшего киевского полковника В. Ф. Дворецкого (Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее – АЮЗР). СПб., 1875. Т. 8. № 79. Стб. 229).

² См. его письмо переяславскому полковнику Д. Райче (АЮЗР. Т. 8. № 52. Стб. 179–181).

³ АЮЗР. Т. 8. № 52. Стб. 176–178.

служить вместе с левобережным гетманом против общего неприятеля и обещал сохранить их «вольности»⁴. Неизвестно, однако, была ли доставлена эта грамота на Запорожье.

Петр Суховей потерпел поражение, и восставшие избрали своим гетманом М. Ханенко. Ханенко самым активным образом искал продолжения союза с Крымом. Тем самым можно констатировать, что предпринятые демарши действия не оказали. Попыток искать контакты с Москвой новый гетман не предпринимал, но изменилась тактика действий по отношению к Левобережью. Если П. Суховей пытался привлечь к себе полки Левобережья помимо (и вопреки) левобережного гетмана, то М. Ханенко попытался добиться соглашения с ним. В своих посланиях лета – осени 1669 г. он призывал Демьяна Многогрешного к совместному выступлению против Петра Дорошенко⁵. Как известно, из-за вмешательства султана М. Ханенко потерял поддержку татарских союзников, 29 октября 1669 г. потерпел поражение и бежал на Запорожье, где был избран кошевым атаманом.

Уже в декабре 1669 г. из Запорожья снова предлагали левобережному гетману выступить против Дорошенко, который «милую отчизну» «ненасытному лву и турку хотел подати и подал»⁶. Сообщая об этом обращении в Москву, гетман полагал, что у запорожцев «к великому государю желательства нет... они ни у которого государя в подданстве быти не хотят»⁷. Этим обращением Многогрешный воспользовался, чтобы снова предложить Запорожью восстановить отношения с Москвой. Обращаясь к «славному и непобедимому рыцарству низовому», он сообщал, что царь простил жителям Левобережья их вины и одарил «вольностями», запорожцам следует также подчиниться власти царя и они сохраняют свою веру «без нарушения целости всяких вольностей»⁸. Видимо, в ответ на это обращение М. Ханенко отправил к Многогрешному в Батурин посланца И. Кальницкого. М. Ханенко сообщал левобережному гетману, что Сечь заключила союз с крымским ханом и Белгородской Ордой, по которому «без воли Воиска Запорожского никоторою мерою на воину ходити не имеют». Договор, по словам Ханенко, включал обязательство татарской стороны «на его царское величество руки не подымати, на сопротивного и междоусобного бранника великому государю всегда помочны быти»⁹. По-видимому, в Запорожской Сечи полагали, что после таких сообщений Многогрешный со своим войском выступит вместе с ними против Дорошенко. Ответ гетмана был, однако, осторожным, в соответствии с общей внешнеполитической линией русского правительства и гетмана¹⁰.

Гетман одобрил изложенные М. Ханенко условия союза с Крымом («похваляю то, даи Боже чтоб так было»), но о совместных военных действиях речь не шла. Его грамота была посвящена другой теме. Вместе с запорожцами он сожалел о несчастьях, которые обрушились «на наш народ малороссииский чрез тех самовластолюбцов», но одновременно обращал их внимание, что Левобережье спаслось «от конечного разорения» благодаря договору с царем, и настойчиво предлагал, чтобы запорожцы у царя «конечно были в подданстве», ему «писали и послов своих послали». Но так как обещания о помощи против Дорошенко в грамоте гетмана отсутствовали, у Сечи на время отпадал стимул для обновления контактов с Москвой.

Новые важные сведения о планах Запорожья привез в Москву посланец гетмана Демьяна Еремей Андреев в апреле 1670 г. Он сообщал, что от Петра Дорошенко требуют, чтобы он «с войсковыми клеиноты и з булавою ехал на Запорожье и ково войско излюбит, тот в войске

⁴ Там же. № 92. Стб. 245–246.

⁵ АЮЗР. СПб., 1877. Т. 9. № 9/І-ІІІ. См. также: РГАДА. Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 2. № 5. Л. 180–181.

⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 363 об.–364.

⁷ Там же. Л. 368 об.

⁸ Там же. Л. 365–367 об.

⁹ Грамота написана «на коше» 20 января 1670 г. (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 515 об.–517).

¹⁰ Грамота от 11 февраля 1670 г. (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 511–515).

будет гетман»¹¹. Лозунг об избрании гетмана – главы Войска Запорожского «чернеческой радой» – собранием самых широких кругов населения выдвигался уже во время выступлений запорожцев на Правобережье в 1669 г. Теперь он был дополнительно заострен тем, что сам выбор гетмана должен происходить на Запорожье. Если гетман не согласится, будет предпринят новый поход на Чигирин. Выдвижение такого лозунга вряд ли могло оказать благоприятное воздействие на царя и его советников и на старшину Левобережья.

Запланированный поход на Батурин не состоялся, и это не было случайностью. Успешное для Османской империи к концу 1669 г. завершение войны с Венецией из-за Крита привело к резкому усилению позиций Османской империи в Восточной Европе. Для Сечи это означало укрепление позиций Дорошенко и утрату поддержки татарских союзников. Запорожье оказывалось перед необходимостью поиска иных решений. В такой ситуации стал постепенно складываться союз между такими разными силами, как Запорожье и власти Речи Посполитой, которые к началу 1670 г. оказались единственным реальным противником Дорошенко.

О переменах в позиции Сечи стало известно в Батурине и в Москве достаточно рано, так как сношения между Сечью и Варшавой осуществлялись через Левобережье. Уже в марте Демьян Многогрешный сообщал о проезде возвращавшихся из Польши запорожских послов¹². В проезжей грамоте коронного канцлера Я. Лещинского они были названы послами «Ханенко, гетмана Войска нашего Запорожского»¹³. Важные известия пришли в Москву в мае 1670 г. Гетман Демьян сообщал, что в апреле через Батурин проехало посольство к королю Михаилу Вишневецкому на «пятидесяти конех» во главе с кошевым атаманом Григорием Пелехом¹⁴. В проезжей грамоте М. Ханенко указывалось, что в Сечь пришло приглашение прислать представителей на «комиссию» и Сечь послала «кошевого и обозного»¹⁵. Г. Пелех не скрывал цель посольства и сообщил гетману, что послы будут добиваться, «чтобы Петр Дорошенко на той стороне Днепра гетманом не был, и ни в чем ему не верити»¹⁶. Гетман Демьян не мог не заметить, что между Речью Посполитой и Запорожьем идут серьезные переговоры, а в Москву Сечь послов не отправляет. Гетман так и сказал Г. Пелеху: «Вы приязнь имеете к королю польскому, а не к царскому величеству»¹⁷. Не могли не заметить этого и в Москве. Из Москвы гетмана просили, чтобы при возвращении Г. Пелеха он его «о всяких делех и ведомостех допросил»¹⁸.

Явно подготавливалась почва для совместного выступления Запорожья и Речи Посполитой против Петра Дорошенко и его сторонников на Правобережье, что предполагало самые серьезные перемены во внешнеполитической ориентации Запорожья. В мае от «выходцев» из османского плена в Москве узнали о решении казацкой рады в Сечи потребовать от хана, чтобы он «на польского короля воию не ходил», иначе казаки пойдут войной на Крым¹⁹. Дело шло к большой войне, в которой противникам Дорошенко пришлось бы иметь дело не только с правобережным гетманом и Крымом, но и с такой могущественной державой, как Османская империя. Осмысливая ситуацию, запорожцы закономерно пришли к решению искать поддержки и помощи и в России. Им было известно, что заключенный в конце 1667 г. Московский договор предусматривал совместную борьбу России и Речи Посполитой с османской экспансией.

¹¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 567–567 об.

¹² Там же. Л. 544.

¹³ Там же. Л. 550 об.

¹⁴ Там же. Л. 617.

¹⁵ Там же. Л. 619 об.–620 (грамота «на коше» 7 апреля).

¹⁶ Там же. Л. 618.

¹⁷ Там же. Л. 615 («распрос» посланцев гетмана в Малороссийском приказе).

¹⁸ Там же. Л. 625.

¹⁹ АЮЗР. Т. 9. № 54. Стб. 227.

Соответствующее решение было принято в июне 1670 г. 15 июня 1670 г. датируется письмо М. Ханенко А. С. Матвееву – царскому фавориту и главе Малороссийского приказа²⁰. Он сообщал, что запорожцы готовы вместе с христианскими монархами – королем и царем воевать против султана, который хочет вторгнуться в Восточную Европу, «собрав всю силу свою». М. Ханенко просил прислать в Сечь артиллерию («наряд»), порох, свинец и «на суды денег». С такими предложениями вскоре в Москву направилось запорожское посольство. Так после продолжавшегося несколько лет перерыва должны были восстановиться связи Москвы и Запорожья.

В Батуристине инициатива запорожцев встретила серьезное беспокойство. На первый взгляд это должно вызвать удивление. Ведь запорожцы пошли навстречу неоднократно высказываемым пожеланиям гетмана. Однако для беспокойства у гетмана и левобережной старшины были серьезные причины. Правда, гетман старался поддерживать нормальные отношения с Запорожьем. Так, той же весной 1670 г. он послал туда «стацею муки, сухареи и вина на 30 возах»²¹. В грамоте, отправленной в Сечь 25 марта, он даже писал, что, когда запорожцы принесут присягу царю и «нам», можно будет «над противником Божиим и его царского величества учинить всякой промысл»²².

Но был и другой важный аспект. Южные полки Левобережья, исторически связанные с Запорожьем вплоть до начала 1670 г., как известно, не подчинялись гетману и старшине, и их власть там была непрочной. На старшинской раде в апреле 1670 г. гетман говорил, что, хотя его «во всех городех казаки мало любят», он все равно «своевольников будет усмирять, покаместа его мочи будет»²³. В грамоте царю от 12 апреля гетман писал, что его беспокоит положение в полтавском полку – «часто мене оттуда злые гласы доходят». Опасность гетман оценивал как весьма серьезную, так как просил прислать в Батуристину стрельцов, «чтоб те при мне вместе всегда в городе были»²⁴. Тогда же гонец гетмана Еремей Андреев объяснил беспокойство Многогрешного: «полтавский полк в соединении хочет быть з запорожцы»²⁵. Не мог не беспокоить гетмана и старшину выдвинутый на Запорожье лозунг созыва здесь «черневой рады» для избрания нового гетмана Украины.

Беспокойство должно было усилиться, когда началось восстание Разина, в котором с самого начала активно участвовали «черкасы». По свидетельству одного из современников, в его войске «большая половина меж донскими хохлачей черкас» [Стецюк, с. 321–322]. В начале июля в Батуристу был направлен гонец С. Щеголев, который должен был добиваться, чтобы гетман препятствовал уходу казаков к Разину²⁶. В царской грамоте указывалось, что гетман должен позаботиться, чтобы «нихто ни к какому дурну не приставал и свою волю не ходил»²⁷. Гетман позднее сообщал А. С. Матвееву, что он в различных местах «своих людей надежных тамо поставити приказал есмь, чтоб таковых везде остерегали и кто бы похотели итти чтоб там карали»²⁸.

В таких условиях в июне 1670 г. направилось в Москву запорожское посольство. Посольство по своему составу было весьма представительным (9 куренных атаманов и 8 сотников)²⁹, но не имело полномочий для ведения переговоров и лишь должно было передать

²⁰ Там же. № 52. Стб. 220–222.

²¹ Там же. № 54. Стб. 27.

²² РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 574–574 об.

²³ АЮЗР. Т. 9. № 45. Стб. 187–189.

²⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 569–571.

²⁵ Там же. Л. 567.

²⁶ Там же. Л. 883 об.

²⁷ Там же. Л. 879.

²⁸ АЮЗР. Т. 9. № 55/IV. Стб. 236.

²⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 823–824.

грамоту М. Ханенко³⁰. В грамоте³¹ запорожский гетман приветствовал заключение союза России и Речи Посполитой против «бусурман» и сообщал о готовности Войска «нести» службу «на оборону православнои вере нашей греко-русской и разоренные Украине», которую Дорошенко хочет подчинить власти султана. Но султан не одержит победы, «егда ваше царское величество, нам на помощь войска предав, поблагословит». В заключительной части грамоты читалась просьба о присылке в Сечь «военного снаряду», свинца, пороха, сукон, «а на суды денег». Войско готово это «отрабатывать».

Речь шла, таким образом, о помощи Сечи в ее борьбе с Петром Дорошенко и османами. Уже после отправки посольства, 5 июля, М. Ханенко просил киевского воеводу Г. А. Козловского поддержать в Москве предложения запорожцев³².

Вместе с грамотой М. Ханенко запорожское посольство доставило в Москву текст перехваченной грамоты султана П. Дорошенко³³. Грамота определяла условия османского патроната над правобережным гетманством, но в ней также указывалось, что Дорошенко избран гетманом «на той стороне Днепра и за Днепром», и даже отмечалось, что, если бы хан «в Московской части имел кого себе брать за старость, и то имеет быть за ведомом Дорошенковым». Посылая в Москву этот документ, М. Ханенко доказывал, что опасность со стороны османов угрожает и России и в этой борьбе Запорожье будет полезным союзником и поэтому ему следует оказать поддержку.

Запорожское посольство во главе с полковником Степаном Обидой 3 июня приехало в Батурино³⁴, 10 июня прибыло в Севск³⁵. Но еще до его приезда в Москву туда прибыло посольство левобережного гетмана во главе с его доверенным лицом – нежинским протопопом Симеоном Адамовичем. Посольство должно было заняться решением ряда различных вопросов, связанных с отношениями левобережного гетманства с Россией³⁶, но и вопрос о Запорожье занял на переговорах достаточно заметное место. На «роспросе» в Малороссийском приказе 12 июня С. Адамович сообщал о поездке запорожских послов и о положении Запорожья. Важным было его сообщение, что у запорожцев «с ханом, де, крымским учинилась у них ссора и бои бывают у них почасту»³⁷. Разрыв Запорожья с Крымом, конечно, создавал благоприятные условия для возобновления его связей с Москвой.

Главное место в заявлениях С. Адамовича было, однако, уделено другому сюжету. Он сообщал, что казаки «сее и тое стороны Днепра» и запорожцы хотят «бити челом великому государю и чтоб учинить черневая рада». Протопоп просил, чтобы царь «пожаловал, черневой рады учинить не велел, для того чтоб меж ими не учинилось междоусобия и кровопролития»³⁸. Опасность представлялась столь серьезной, что посланец просил от имени гетмана, чтобы тот мог в критической ситуации «в города царского величества великороссийские з домом ево приехать»³⁹.

Отправкой этого посольства дело не ограничилось. Уже 8 июня до приезда его посланцев в Москву гетман отправил туда гонца – канцеляриста И. Быховца. Причины такого решения ясно указаны в гетманской грамоте⁴⁰. От писаря запорожских послов он узнал, что запорожские послы будут добиваться в Москве, «чтоб вольно вновь ныне нигде инде, токмо в Запорогах, гетмана обрести». Если бы царь на это согласился, то «от них же бы нечто б нового объявилось,

³⁰ Там же. Л. 826.

³¹ Ее текст см.: Там же. Л. 826–830 и РГАДА. Ф. 124 (Малороссийские дела). Оп. 1. 1670 г. № 9.

³² РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 835 об.–838.

³³ АЮЗР. Т. 9. № 47/II. Стб. 172–174.

³⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 803.

³⁵ Там же. Л. 823.

³⁶ Рассказ о посольстве с преимущественным вниманием к решению церковных дел см.: [Эйнгорн, с. 704–710].

³⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 673.

³⁸ Там же. Л. 675. Вероятно, неслучайно в другом месте своей «речи» С. Адамович упоминал о сношениях М. Ханенко с Разинным (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 673).

³⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 676.

⁴⁰ Там же. Л. 800–801.

понеже и та междоусобная брань и война, которая возрасте не от кого иного, токмо за их поведением». Гетман просил, «чтоб тому посольству не поверено было».

Если гетман в грамоте сигнализировал об опасности, исходящей от Запорожья, то его посланец И. Быховец 19 июля сообщал в Малороссийском приказе о мерах, принятых в этой связи в Батурине. Гетман разослал «уневерсалы во все полки ... чтоб в Запороги и на Дон никого не пропускали», а в полках «крест целовали, где в котором полку объявитца какое засмушение и тех, де, казнить смертью»⁴¹. И. Быховец также подал «информацию», которая должна была дополнительно дискредитировать в Москве Запорожье и его послов. Здесь приведены сообщения ездившего в Запорожье посла левобережного гетмана Карпа Надточенка о словах М. Ханенко, что Многогрешный у царя «булаву взял», «чтоб Украину заднепрскую погубити и в вечную неволю в Сибирскую Московскую»⁴². В ней цитировалось и заявление гетмана посла, приехавшим в Батурин, что он не будет оказывать им поддержки в Москве: «не хотят со мною единомыслитца, пусть сами расправятся»⁴³. В Батурине, таким образом, был приложен максимум усилий, чтобы вызвать в Москве недоверие к Запорожью и его предложениям.

Цель, которой добивался левобережный гетман, была достигнута еще до приезда запорожских послов в Москву. 15 июля С. Адамович писал гетману, что после приема царем состоялись разговоры «при его государских самых ближних комнатных боярех», тогда, вероятно, и было принято решение, что царь «черневои раде ... быти не изволит»⁴⁴. В грамоте, врученной С. Адамовичу перед отъездом из Москвы 28 июля, царь одобрял действия гетмана, который «велел унять» «своевольных ... которые без твоеи воли на Запорожья хотели идти» и предлагал «поставить крепкие сторожи, чтоб без твоеи воли в Запороги и из Запорог никуда на свою волю не ходили»⁴⁵. Русское правительство и левобережная старшина, как представляется, были едины в своем стремлении не допустить превращения Запорожья в центр массового движения, направленного против существующего порядка. Борьба с такой перспективой становилась особенно актуальной, когда на юге России разгоралось восстание Разина.

Послы гетмана задержались в Москве, и переговоры с запорожскими послами проходили в их присутствии. Принятое решение не означало, что предстоящие переговоры не имели для московских политиков значения. Запорожье было достаточно серьезной силой, и установление контактов с ней в сложившихся условиях было достаточно важным делом. Заинтересованность в этом, как показал ход переговоров, не исключала стремления указать Запорожью его особое место, предостеречь его от далеко идущих, с московской точки зрения, притязаний.

Первая встреча послов со служащими Малороссийского приказа состоялась 20 июля и была короткой. Послы передали грамоту Ханенко и одновременно сообщили, что он «словесно говорить ни о каких делах не наказывал»⁴⁶. Собственно переговоры состоялись на встрече посланцев с главой Малороссийского приказа А. С. Матвеевым 23 июля. Вопрос о созыве «черневои рады» для выбора гетмана посланцы не поднимали, но в значительной мере потому, что в лице Ханенко уже имелся избранный на Запорожье гетман и существовали хорошие шансы, что польские власти могут признать его главой правобережного гетманства. Такая перспектива вызывала беспокойство не только левобережной старшины, но и московских политиков. В адресованных в Москву грамотах М. Ханенко выступал как «гетман Воиска Запорожского Низовой»⁴⁷.

⁴¹ Там же. Л. 795–796.

⁴² Там же. Л. 804 об.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Л. 719, 725.

⁴⁵ Там же. Л. 758–758 об.

⁴⁶ Там же. Л. 826.

⁴⁷ См. его грамоты царю и киевскому воеводе.

В своем выступлении А. С. Матвеев подробно говорил запорожским послам о созыве «рады» в Глухове, где при участии казачества Левобережья был избран гетманом Демьян Многогрешный. Все это доказывает, что он – «совершенный» гетман и таким его должны признать запорожцы. А Ханенко выбран гетманом на Запорожье, а ранее «гетманы на Запорожье не живали»⁴⁸. Таким образом, ведя переговоры с Запорожьем, в Москве отказались признать «законным» гетманом гетмана, выбранного запорожцами. Такой линии русское правительство продолжало придерживаться и в дальнейшем. Когда в 1671 г. киевский воевода Г. А. Козловский назвал Ханенко в своей отписке «запорожским гетманом», ему специально разъяснили, что следует «Ханенка впредь писать запорожским кошевым атаманом, а не гетманом»⁴⁹.

Запорожские послы приехали в Москву просить помощи. Неудивительно поэтому, что они согласились признать Демьяна Многогрешного «истинным» гетманом⁵⁰ и не вступили в спор относительно статуса М. Ханенко. Извещая Демьяна Многогрешного о результатах переговоров, Симеон Адамович писал ему, что «запорожцы дали на том слово, чтоб быти под послушанием вельможности твоеи» и, если «чего им будет надобно», пусть обращаются к гетману о «заступлении» перед царем⁵¹.

Важным результатом переговоров было официальное заявление, что царь прощает Запорожскому Войску «его вины»⁵². Об этом говорилось во врученной посланцам царской грамоте⁵³. Так были восстановлены связи с Запорожьем. В царской грамоте запорожцам рекомендовалось быть «в любви и в совете» с левобережным гетманом и «служить» царю в соответствии с Андрусовским договором⁵⁴, устанавливавшим над Запорожьем двойной протекторат России и Речи Посполитой.

Вопрос о помощи Запорожью обсуждался. Царь сообщал Многогрешному, что патриарх Иоасаф и бояре предлагали послать в Сечь две пушки, порох, свинец «и на войско сукон»⁵⁵. Однако во врученной посланцам царской грамоте говорилось лишь, что в будущем на Запорожье будут посланы «пушечные запасы и сукна». Таким образом, конкретная цель запорожского посольства не была достигнута.

В определенной мере это было связано с сохранявшимися опасениями, что Запорожье может стать центром массового народного движения против существующего порядка. Выше упоминалась царская грамота от 28 июля о принятии левобережным гетманом строгих мер по прекращению контактов между гетманством и Запорожьем. В то же самое время гетман жаловался, что через днепровскую переправу у Кременчуга люди, которые «живут волею», «бегают в Запорожья», и просил разместить в городе русский гарнизон⁵⁶. Противостояние между левобережным гетманством и Запорожьем осенью 1670 г. продолжалось. М. Ханенко жаловался, что казакам и «купецким людям» не дают идти на Запорожье, «в тюрьму сажают и от всего обнажают»⁵⁷, а Многогрешный писал царю, что запорожцы «людеи возбуждают и наговаривают, как они повыкли, не к добру, но к злу всенародные приводят»⁵⁸.

Но имели значение и другие обстоятельства. Осенью окончательно прояснилась политическая ориентация Запорожья, искавшего сотрудничества с властями Речи Посполитой

⁴⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 840–841.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 81. Ч. 1. Л. 57.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 841 об.

⁵¹ Там же. Л. 771.

⁵² Там же. Л. 840.

⁵³ Там же. Л. 853.

⁵⁴ Там же. Л. 814.

⁵⁵ Там же. Л. 854.

⁵⁶ Там же. Л. 886.

⁵⁷ АЮЗР. Т. 9. № 69. Стб. 282.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 9. Л. 172.

против Дорошенко. 2 сентября 1670 г. в Остроге с посланцами М. Ханенко, приехавшими из Сечи, был заключен договор о его признании «законным» гетманом Правобережья. Договор должен был быть подтвержден сеймом, но еще до этого часть запорожских посланцев во главе с Семеном Богаченко («о сорока конех») направилась к М. Ханенко. Они повезли с собой знаки власти – «знамя и литавры». Когда они прибыли на Левобережье по пути на Запорожье, они сообщили, что их товарищи остались до созыва сейма «для булавы». Демьян Многогрешный задержал посланцев и сообщил об этом в Москву⁵⁹. Все это не могло вызвать в Москве положительной реакции. Гетман для Правобережья был поставлен на Запорожье, а это был шаг, которого в Москве, как видно по материалам переговоров лета 1670 г., хотели бы избежать. Кроме того, по условиям Андрусовского договора Запорожье должно было находиться под патронатом двух монархов, царя и короля, и запорожцы заявляли, что подчиняются верховной власти царя, а тем временем они предприняли такой важный шаг без участия русского правительства и не информируя его об этом. Это привело к неприятным объяснениям с польскими властями (см. об этом: [Perdenia, s. 240]) и, конечно, повлияло отрицательно на контакты Москвы и Запорожья.

У событий был еще один аспект. Запорожье хотело получить военную и финансовую поддержку в Москве против Дорошенко. Однако в 1670–1671 гг. правобережный гетман не получал от Крыма и Османской империи большой военной помощи и поэтому не представлял для Русского государства серьезной опасности. В таких условиях русская сторона не была заинтересована в быстрой победе польских властей над Дорошенко. Война на Правобережье ослабляла Польско-Литовское государство, не позволяла ему возобновить борьбу за утраченные по Андрусовскому договору земли⁶⁰.

Кроме того, как известно, через ехавшего в Москву греческого архиепископа Манассию Дорошенко объяснял, что принял покровительство султана только для защиты от поляков, и просил царя принять его под свою власть⁶¹. Отсюда появление в Москве планов использовать ситуацию для присоединения к Русскому государству Правобережья.

В конце 1670 г. на Левобережье прибыли с сейма запорожские посланцы И. Завиша и Степан Белый с булавой для М. Ханенко⁶². Многогрешный задержал посланцев и сообщил о них в Москву⁶³. От него же был доставлен в Москву текст договора послов М. Ханенко с Речью Посполитой⁶⁴. В царской грамоте от 15 февраля 1671 г. гетману предлагалось отпустить посланцев на Запорожье, но сообщить через них Запорожскому Войску, что по Андрусовскому договору Запорожье находится под общим патронатом двух монархов и перед принятием важных решений следует советоваться с обоими монархами, а те примут общее решение «о тех их делах по их челобитью»⁶⁵. Отрицательное отношение к соглашению Запорожья с Речью Посполитой, заключенному без всякого участия русского правительства, было выражено здесь вполне определенно.

На Правобережье шла война между сторонниками Дорошенко и польскими властями и запорожцами. Однако нанести поражение Дорошенко не удалось, османская опасность нарастала, а в Речи Посполитой обозначился острый внутривосточный кризис, который резко ослабил ее способность отразить османское наступление. В этих условиях поддержка России становилась для Сечи необходимостью.

⁵⁹ См. грамоту гетмана царю от 24 сентября (АЮЗР. Т. 9. № 69. Стб. 289–292).

⁶⁰ В январе 1671 г. И. Гизелю принесли «вести», что «взять всю Украину и Киев королевскому величеству имеют помогати Ханенко и все запорожские казаки» (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 3. Л. 661 об.).

⁶¹ См. об этом в «Руине» Н. И. Костомарова: [Костомаров, с. 171–173]; АЮЗР. Т. 9. № 92. Стб. 390–393.

⁶² Проезжая грамота короля Михаила датирована 18 ноября н. ст. (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 9. Л. 618–618 об.).

⁶³ См. грамоту гетмана от 30 января 1671 г. (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 9. Л. 613 об.–614 об.).

⁶⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 9. Л. 634 об. и сл.

⁶⁵ Там же. Л. 654 об.–655 об.

Как позднее сообщал М. Ханенко начальнику войска Белгородского разряда Г. Г. Ромодановскому, к весне 1671 г. в Сечи стало ясно «намерение цесаря турецкого» «со всеми сильными своими войсками на королевское величество и на все христьянство воевать». В Москву тогда было отправлено новое запорожское посольство. Оно должно было осведомить советников царя о планах султана и просить «нас калмыками несколькими тысячами, так ж пушками, свинцом и порохом вспомогати»⁶⁶.

Зная, что посольство поедет в Москву через Левобережье, М. Ханенко пытался обеспечить ему хороший прием и поддержку в Москве левобережного гетмана. Сохранилось его письмо главе православного духовенства на Левобережье архиепископу Черниговскому Лазарю Барановичу, в котором он просил Барановича способствовать тому, чтобы он и гетман Многогрешный «в братцкой любви нерозорванно пребывали», а свидетельство такой дружбы – его содействие переходу связанных с Запорожьем южных полков под власть гетмана⁶⁷. Сохранились и фрагменты его письма брату гетмана – Василию, где выражалось желание «до первого нашего братолюбия и союзу с его милостью господином гетманом», чтобы можно было действовать вместе против «неприятеля Креста святого»⁶⁸.

Это, однако, не помогло. Как сообщал М. Ханенко, когда посольство доехало до Батурина, запорожских послов там задержали на 6 недель, «никакого корму их конем и им самим не давая», а затем выслали назад. 9 июня «с коша» М. Ханенко обратился с жалобами к Г. Г. Ромодановскому и к белгородскому митрополиту Феодосию⁶⁹. М. Ханенко выразил убеждение, что гетман поступил так, помогая Дорошенко.

Когда в связи с этим начались разбирательства, Многогрешный постарался дискредитировать главу запорожского посольства Грицко Шкуру. Тот якобы утверждал, что если царь откажет в помощи в войне с османами, то «мы, Воиско Запорожское, совокупився так с ханом крымским... будем на его царское пресветлое величество воевати». Он сообщал, что послы отправились в Путивль, «не слухая указу моего, и там их не пропущено»⁷⁰. По-иному финал путешествия запорожцев в Москву описывал в мае 1671 г. полтавский полковник Ф. Жученко. По его словам, по дороге в Россию спутники Шкуры его «покинули и разошлись все в рознь», тогда и он вернулся назад на Запорожье⁷¹. Установить, что в действительности произошло, по этим сообщениям вряд ли возможно (к тому же сам Жученко писал, что не знает, почему члены посольства разошлись). Ясно одно: новое запорожское посольство до Москвы не доехало.

Резкий поворот в отношениях наступил в 1672 г., когда с вторжением османской армии на территорию Восточной Европы возникла серьезная опасность одновременно и для существования Запорожской Сечи, и для Русского государства и военно-политическое сотрудничество между ними стало объективной необходимостью. Апрельем – октябрём 1672 г. датируются тексты 6 царских грамот в Сечь, в которых говорится о помощи Сечи со стороны России и о планах совместных действий против османов и татар. С этого времени сотрудничество между Москвой и Запорожьем, как известно, стало постоянным в течение целого ряда лет.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 81. Л. 60, 68, 69.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 9. Л. 759 об.–760. Письмо доставлено в Москву 23 марта.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 81. Л. 413. Прислано в Москву Многогрешным 14 августа.

⁶⁹ Текст писем см.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 81. Л. 68–85.

⁷⁰ См. грамоту гетмана царю от 4 августа: Там же. Л. 420, 422.

⁷¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 9. Л. 844 об.–845.

Литература

- Костомаров Н. И. Собрание сочинений. СПб., 1905. Кн. 6. 815 с.
Стецюк К. І. Народні рухи на Левобережній і Слобідській Україні в 50–70-х роках XVII ст. Київ, 1960. 364 с.
Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. 447 с.
Эйнгорн В. Очерки из истории Малороссии в XVII в. М., 1899. XIV, 1104 с.
Perdenia J. Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków, 2000. 500 s.

References

- Eingorn, V. Ocherki iz istorii Malorossii v XVII v. [Essays from the History of Little Russia in the 17th Century]. Moscow, 1899. XIV, 1104 p.
Florya, B. N. Vneshnepoliticheskaya programma A. L. Ordina-Nashchokina i popytki ee osushchestvleniya [The Foreign Policy Program of A. L. Ordin-Nashchokin and Attempts to Implement It]. Moscow, 2013. 447 p.
Kostomarov, N. I. Sbranie sochinenii [Collected Works]. Saint Petersburg, 1905. Book 6. 815 p.
Perdenia, J. Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków, 2000. 500 s.
Stetsyuk, K. I. Narodni rukhi na Levoberezhnoi i Slobids'kii Ukraini v 50–70-kh rokakh XVII st. [Popular Movements on the Left-Bank and Slobodska Ukraine in the 1650s – 1670s]. Kiev, 1960. 364 p.

Boris N. Florya

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

RUSSIA AND ZAPOROZHYE IN THE LATE 60s – EARLY 70s OF THE 17th CENTURY

The article shows what difficulties were encountered by those, who undertook attempts to resume communication between Moscow and Zaporozhye for the purpose of a joint fight against the Ottomans in the late 60s – early 70s of the 17th century. Their contacts were hindered by the Left-Bank Hetmanship, which was hostile to Zaporozhye, and Russian politicians were worried about the agreements concluded between Zaporozhye and the Crimea and the Polish-Lithuanian Commonwealth, and their plans to supply hetmans for the Right Bank of Zaporozhye.

Keywords: Russia, Zaporozhye, Cossacks, foreman, Chorna Rada, Ottoman Empire, Crimea, Polish-Lithuanian Commonwealth